

Встретимся в стихотворении
Бронислава Волкова

Бронислава Волкова

Встретимся в стихотворении

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71243539

ISBN 9785006478077

Аннотация

Стихи Брониславы Волковой – это космос души. Они пластичны, в них соседствуют временное и вечное, метафизика и самая реальная, прожитая жизнь. Чтобы так писать, нужен особый дар. Поэт должен сделать самого себя произведением искусства. Если мы откроем например, томик Уолта Уитмена, а потом сразу же обратимся к стихам Брониславы Волковой, мы поймём, что такое современная поэзия. Предельный лаконизм и сгущение жизни. И, в то же время, недосказанность. Плотность речи – и воздух между строками.

Содержание

Авторские права	6
1. ШУМ ВЕТРА	7
Давайте встретимся в стихотворении	8
Страсть твоих пространств	10
На этой земле	11
И жёлтый запах жасмина	12
Завтра я прилягу	13
В Севилье	14
Лучи луны	15
Годы прошли	16
Шум ветра	17
Идёт дождь	18
Дождь сжал свои кисти	19
К тебе войду	20
Первый выдох утра	21
Время – враг детства	22
В бездомье	23
Гора за горой	24
Бывает небо в терниях	25
Когда у моего поезда	26
Огонь не примирился с любовью	27
2. И СЕЙЧАС	28
Мы устанем извиваться в сладком спазме тел	29

Юбка раскрывается в складках	30
Голландские домики	31
И сейчас	32
Оставляя рубцы позади	33
Меморандум земле	34
Насилие	35
Наши деточки	36
Жар павших деревьев	37
Ежедневно мы собираем силы	38
Своеволие яблонь	39
Серые подтёки в желобах страстей	40
Мост	42
Когда я захожу в рощу	43
Я лечу навстречу	44
Я свободна сегодня	45
Я – луна	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Встретимся в стихотворении

Бронислава Волкова

Редактор Ирина Силецкая

© Бронислава Волкова, 2024

ISBN 978-5-0064-7807-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторские права

© Бронислава Волкова, авторский перевод с чешского 2024

© Коллажи Бронислава Волкова:

Обложка: Природа 2016

– Простота 2019 (Шум ветра)

– Окружённое солнце 2017 (И сейчас)

– Поиск розы 2016 (Новый час)

– Там 2018 (Вне времени)

Редактор русского перевода Александр Карпенко

1. ШУМ ВЕТРА

Простота

Давайте встретимся в стихотворении

Давайте встретимся в стихотворении
как в открытой книге.
Как в пылающем кустарнике,
как в потерянном слове,
которое теперь стучит в дверь памяти...

Мы падаем под тяжестью страха,
под тяжестью нужды на этой покинутой планете.
Мы глотаем ужасы плена,
покрытые передниками газет,
личных наслаждений и успехов —
для смеха.

Наш мир состоит из важных стен
и гнева,
из пренебрежения тем,
что на нас не похоже,
что нам сопротивляется,
что нас не понимает,
что не достигает нашего
предполагаемого превосходства.

Мы – тела из мяса, крови, костей.

И всё-таки:

Давайте перевернём страницу и подружимся

с другим инструментом, с другим

миром с другим

зерном,

с другим

светом, который не знает ни шипов, ни

желчи,

ни плача.

Ни бессилия ночи...

Давайте станем

оттаявшими сердцами!

Страсть твоих пространств

Страсть твоих пространств падает с домов как вес,
падает и заходит как солнце в закатах,
заходит-падает, падает-заходит...

Мы здесь одни и даже желания больше нет,
иссохшее долгими миражами, оно садится,
отдыхает, как старик, изнурённый жаждой,
и вспоминает давние моменты жизни,
безрассудство таяния, сдавленные рыдания,
горечь взросления...

На этой земле

На этой земле
моё тело
больше мне уже не принадлежит.
Я остаюсь здесь
только ради нежности, чтобы принести
свободу от цепей печали,
глубокой, как колодезь,
от цепей, будоражащих во мне
повсюду
потребность видеть...
Моя скорбь перетекает берега
и привязывает меня к этому физическому миру.
Когда
я проснусь,
мы пойдём вместе
на поиски неизведанного...

И жёлтый запах жасмина

И жёлтый запах жасмина сыплется из хрупких
жаворонков, которые машут утихшими шейками.

Есть лес, есть тишина, есть трава.

Руки мнут зелёное тесто лугов.

Вода в ручье облизывает свои камешки,

и буханка хлеба на меже

добровольно выносит свою судьбу.

Ждёт, пока я её надкушу.

Завтра я прилягу

Завтра я прилягу

в извивы твоего дыхания,

вдохну твой день.

В местах, где отвесный крик птиц

состязается с тишиной,

мы пройдем огнеопасной ночью

прямодушно.

Завтра я проснусь на дне твоей ладони.

В Севилье

В Севилье, любовь, да, в Севилье

мы захватим тебя

в плен в мавританских

мечетях, в дыму

жаркого солнца...

В жёлтом песке за белой дверью,

в раскрашенных дворах, которые называют
патио.

Цветы передо мной и цветы за мной.

Постели мне перед ездой

на лошадке,

постели мне под оливой,

но не потеряй

свой ножик и мешочек

из мягкой кожи...

Лучи луны

Лучи луны танцуют свой ритуал,
окно настезь —
и сердце прыгает на одной ноге.
Подставляет свой горшочек.
Дома колышутся в сети воздуха
и сожалеют о своих проступках – о закрытых дверях.
Дуют в ладони сна.
Можно расслышать, как растёт трава.

Годы прошли

Годы прошли, как забытая любовь,
и запылили сон.

Мы одни в своей совести, в стране,
где ничто не забывается,
мы одни как ниточка лета,
как зима в ванне света,
мы зовём ветер, как смолу расплавленную,
как залежь железяка,
мы лежим в бесконечности случайностей и желаний.

Да, мы ложимся на самое дно,
и нет уже больше ни коры, ни дерева,
чтобы грызть.

Как луч света,
мы приходим домой.

Шум ветра

Шум ветра напоминает мне звук разрезаемой плоти.

Однажды здесь был, возможно, очаг,
стояли железные ворота – место было
хорошо защищено.

Падение птицы, случайно подстреленной,
разрушило стены.

Здесь негде развести
огонь.

Где твоё пальто?

Уже настал предрассветный холод.

Идёт дождь

Идёт дождь.

Крупные капли стучат
в стены моего тела.

Светает.

Холод лёгкого пробуждения,
холод тления

обвивает дыхание холщовой нитью.

А капли дождя неугомонно стучат в моё окно —
в окно, за которым чувствуется утренняя мгла.

Дождь сжал свои кисти

Дождь сжал свои кисти.

Я странствую под захлёбывающимся небом
без дома, без голоса.

Беспомощно высматриваю, ищу тебя.

Крики режут
шаткий воздух до головокружения.

Твое дыхание сегодня остановило
дыхание любви, занесённой снегом.

К тебе войду

К тебе войду.

Ночью – днём.

И твои невысказанные слова

заглушат тоску неотвратимых завтрашних дней.

Моё дыхание опустится на твой голос.

Я пройду через твой ствол.

Взойду,

как твоё семя

во мне.

Вместе мы проснёмся в койке времени.

Первый выдох утра

Первый выдох утра

Я не твоя

Я не его

Я одна

Я не живу запахом камня или дерева

Меня здесь нет

Для мягкости – замша

Меня здесь нет

Для твоего взгляда

Меня здесь нет

Здесь нет куда или когда

Я только в таинственной мысли

Которая коротко прозвучала

Я только

Во вздохе тела

Время – враг детства

Время – враг детства,
сегодня оно пришло ко мне,
и я даю ему согласие идти.
Сниму своё маленькое пальцецо,
как снимается
карта, покрывающая зажатые тайны.

В бездомье

В бездомье

твоя вздымающаяся грудь

стережёт мир земли

стережёт снег

и пахнет как слова дёсен

которые несут свою песню

в воздух без крыш

в бескрышье

грудь стережет запах огня

стережёт ветер, стережёт сани

нет у неё тоски, нет жара

она как покинутые комнаты старой Австрии

как слова потерянные в молоке

она без оружия

как запах безопасности

и утраченных стен

как любовь найденная на дне

Гора за горой

Гора за горой
прячет свою мечту,
и ты лежишь рядом
в траве, как в моей сети.
Ты играешь, как ребёнок, в моём тумане,
и солнце вздыхает
в вечернем порту.

Бывает небо в терниях

Бывает небо в терниях, и звёзды
зажигают перекааты темноты.

Пульс ножен гибнет в несостоятельности ножа.

Они острые как страх, как прах.

Конец действия похож на сигарету.

Она догорит сама.

Толстокожесть знает, как не видеть.

Так всегда проще.

Мы не можем остановиться и размышлять,
высказываться и подталкивать душу к росту.

Тише обо всём этом!

Есть небо в терниях и звёзды
зажигают перекааты дня.

Когда у моего поезда

Когда у моего поезда закончатся
его бесчисленные остановки
и он предложит мне выйти
даже тогда корни будут
жадно вгрызаться в землю
даже тогда берега будут
от глаз к глазам плыть
даже тогда ты с трудом
отвлечешься от своей воздушной подушки
вот тогда я сотру
твое горе с изношенных одежд
сердца

Огонь не примирился с любовью

Огонь не примирился с любовью
и падает в пропасть,
ослабевшую от тоски и запахов
крапивы и колючек...

Голоса поникли и стремительно бегут
в другие миры, к другим
воплощениям.

Нет уже дрожи запертой на замок,
и пустота болит, как старая нога,
в колонне лет и песен,
которые не смогли исцелить свою тень
и не прервали своё шествие,
вспахивая душу до крови,
до затмения.

Свет, больной и ложный,
расположился в пещере
и украдкой ранит свой сон
о броню.

2. И СЕЙЧАС

Окружённое солнце

Мы устанем извиваться в сладком спазме тел

Мы устанем извиваться в сладком спазме тел
мучительном – без распознавания —
дослушаем все голоса,
потом поднимем якоря – навсегда,
и поплывем в тишину и темноту.
Откроешь только одну вену —
остальные излишни
как графитовые копии всех восторгов.
Не будет ночи и не будет дня,
и ты не дашь уже себя обманывать,
поцелуешь только одну калитку,
за которой только что угасла твоя жизнь.

Юбка раскрывается в складках

Юбка раскрывается в складках,
стремится расти.

Свечи слизывают свой голод.

Хотят меня знать.

Шампанское играет с пузырьками
и пожатие тёплой руки потрескивает в моём теле,
как огонь в камине.

Убаюкивает на мгновение.

Голландские домики

Голландские домики посреди песчаных дорог
поворачивают шаги к горизонту с эллипсом радуги,
к закату солнца,
к притихшим гнёздам птиц из дальнего края,
к прозрачной реке,
к зову тоскующего моря.

И сейчас

И сейчас
мы плывём дальше
с тучами
с ветром
с водой
с камнями
поглощаемы
вечным огнём

Оставляя рубцы позади

Оставляя рубцы позади,
без места утешения,
жизнь вращается на своих привычных колёсах,
проходя сквозь ворота
по дороге в никуда,
проходя через распарывающиеся швы,
проходя, проходя, проходя...
Знакомое превратило
свой туман значения,
своё место,
своё время,
свою природу в пар...
Разъединённая ткань болит
и бьётся, как сердце птицы
в полёте.

Меморандум земле

Меморандум земле,
чтобы она была,
по крайней мере как у Махи*, колыбелью,
как волокно прозрачной
и смелой,
из птичьих криков,
многоединой.

На ней
мы держимся за ветер и за реку
расслабленные в духе
от путешествий,
от противоречивых сообщений,
от радости, которая минула,
от веры, которая
нет, да не приходит:
она здесь – её нет.

Я пишу меморандум земле,
чтобы она была.

*Карел Гинек Маха, выдающийся чешский поэт
девятнадцатого века.

(указание на известное произведение *Май*).

Насилие

Насилие сегодня более распространено, чем хлеб и масло.

Оно более привычно, чем нежные слова наших близких.

Ничто не может больше восприниматься серьёзно.

Ничто больше не может иметь значение.

Дни уходят бесследно, наполненные

виртуальной безвкусицей,

с персонажами, сражающимися за «лучшее будущее»,
которые любят и убивают своих партнёров на больших
и малых экранах.

И мы всё это наблюдаем

с умеренным интересом,

без сочувствия.

Наши деточки

Наши деточки спят на маленьких звёздочках в ночи
Боже, не дай им упасть вниз!
Воздух не всегда достаточно плотный,
чтобы держать их крепко и безопасно.
Утром они становятся дождём
и плачут на землю,
скованную ночным холодом, и их слезы
становятся твёрдыми,
превращаясь в кусочки льда, когда
ещё холоднее.
Только когда настанет тепло, они впиваются в землю,
чтобы поискать
следующий день...

Жар павших деревьев

Жар павших деревьев
прерывает тихое течение Бога.

Мир
ускользает из окон тела,
как влага —
очевидная телесность
всех рождённых.

Ежедневно мы собираем силы

Ежедневно мы собираем силы для нового дня,
полного усилия и тяжёлого труда —
без больших надежд мы протискиваемся сквозь бытие.

Вечером

мы отдыхаем, проваливаясь в другие миры,
туда, где на самом деле мы жить бы не хотели.

Своеволие яблонь

Своеволие яблонь

(сирени я здесь не нахожу)

в сумерках ветром унесенные слова

с поцелуями пустыми

как раковины после смерти

я обращаюсь к птицам за шторами:

Лететь и не видеть,

лететь и пить дождь,

лететь и не слышать

лететь и любить мир...

Взгляни-ка в мой вырез,

в нём чудотворное кольцо,

напёрсток и яд.

Я разрешу птицам гнездиться под моей крышей —

температура воздуха соответствует весне,

и губы дрожат в верхушках яблонь.

Сирени я здесь не нахожу.

Серые подтёки в желобах страстей

Серые подтёки в желобах страстей
давно минувших
без очага
в дебрях пылкого зова колокольчиков
и горделивых нежностей...

Печальный взгляд! Пустошь, населённая столькими
стенами,
как раздавленный ребёнок,
которого не исцелит ни
рыдание,
ни
обещание,
ни
лоно земли, утомлённое скованной
любовью.

Бесконечные симфонии:
окликания солнца,
распятия темноты.

Ангелам —
Да —
с более высокими голосами —

ПОЗВОЛЕНО
ПОСТУЧАТЬ В ОКНО НЕБА.

Тишина настезь.

Мост

Я древнее восклицание в глубинах твоих лет.

Я ужас желания.

Желания сметь, желания смеяться.

Зеленеть в лёгкости воздуха, слова, танца!

Я больна той любовью, которая не позволит мне
вновь мечтать, быть, пылать, жаждать.

Я больна любовью к страждущим и серьёзным.

Внутри меня живёт печаль, которая принадлежит им,
а не мне,

Я ношу их страдания везде.

Я перевожу беспокойный крик потерпевших
на другую сторону реки.

К берегу, лишённому тяжести,
разочарования, кровоточащих ран.

В моём мире нет детей, не уважающих взрослых,
играющих с огнём бездумно и дико.

Тут живут люди, склонные к благодарности,
те, кто в радости замечает вокруг себя и других,
а в других видит себя.

Люди, которые плывут, подобно воде, из реки в море,
и относятся к своему миру с чуткостью.

Люди, готовые решать.

Когда я захожу в рощу

Когда я захожу в рощу
немых отчаяний, безмолвных надежд,
я забываю, где свет спит,
где дремлет роза, которая мне милей,
где бой вечности без смущения звучать может,
где он с радостью звучит.

Забываю,
где мы идём – навстречу дорогам,
сияющим, превосходным, любовью насыщенным,
как птица из гнезда выпущенным,
жгучим бытием пропахшим,

дорогам, которые ускоряют наш пульс,
дорогам, которые обещают звучать,
дорогам, которые дарят блеск глазам,
и темноте печаль —
забываю.

Я лечу навстречу

Я лечу навстречу той надежде —
навстречу невинной игре единения,
навстречу вере в любовь, которая побеждает
желания глупых сердец.

Я взлетаю навстречу желанию
предотвратить метаморфозы, недостойные неба.
Навстречу любви, которая не замерзает и не разбивается
на дне порочных битв.

Я странствую в нежных лесах.

Я лечу в твои объятия, к тому зерну,
которого всегда жаждала,

в золотые дали насыщения и песен,
где я уже слышу и своё пение,

своё звучание, мелодию, пробуждение,

где я вижу уже свою раму, открытую и внесённую
в окна провидения.

Я не жду. Переплетаю свое бытие с твоим.

Приходит лето, и свет зовёт своих детей к радости.

Без сомнений и колебаний, мы бежим навстречу солнцу,
которое играет в наших волосах и лучится на наших ли-

цах,

и мы не противимся счастью, а несём, танцуя,
свои тела навстречу поцелуям.

Я свободна сегодня

Я свободна сегодня
как эти шикарные джазовые музыканты
из Нью-Орлеана.

Моя кровь пребывает вдруг
в истинном пульсе
после стольких дней проклятой
неполноценности.

Я всё ещё слаба, как
только что родившаяся птица.

Я говорю на языке едва
усвоенном. Падаю на
камни по дороге,
надеясь, когда мне везёт,
как сегодня,
что жизнь состоит
из мечтаний.

Я – луна

Я – луна.

Я отражаю то, что сияет на меня
своей тайной.

Но я её не выявляю.

Я заставляю вас гадать. Раздумывать.

Грезить о том, что я скрываю,
впитываю, проглатываю и отказываюсь
выдавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.